

А. С. СИЛИНА

СТИХОТВОРНЫЕ ОПЫТЫ ВЯТСКИХ СЕМИНАРИСТОВ СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА

Курсы семинарий XVIII в. строились по барочной латинской методике и включали в себя изучение наук тривиума (грамматики, логики, риторики), а также нормативной «пиитики». Для студентов-семинаристов обязательными были упражнения в стихотворстве и красноречии. Большая часть рукописей Вятской духовной семинарии XVIII в., хранящихся в Региональном центре книжных памятников Кировской государственной научной областной библиотеки им. А. И. Герцена, непосредственно относится к учебному процессу. Так, среди вятских рукописных книг есть и рабочие тетради учеников, и записи преподавателей, и учебники, и поэтические сборники.

Семинаристским стихотворным опытам посвящено исследование 1897 г. «Вятские стихотворцы XVIII века» А. С. Верещагина.¹ В XX в. оно легло в основу представлений о ранней поэзии Вятской земли. Исследования семинарской поэзии, выполненные кировскими филологами в прошлом веке, по существу лишь адаптируют разыскания ученого к новейшей филологии. Обобщающая работа о писателях в Вятке принадлежит Н. П. Изергиной.² Вместе с тем в последние годы появились публикации В. А. Поздеева, в ко-

¹ Верещагин А. С. Вятские стихотворцы XVIII века: В 2-х вып. Вятка, 1897.

² Изергина Н. П. Писатели в Вятке: Литературно-краеведческие очерки. Киров, 1979.

торых поэтические сборники Вятской семинарии из архива Кировской библиотеки им. А. И. Герцена были описаны заново.³

* * *

Наибольший интерес представляют четыре сборника середины XVIII в. из рукописного фонда библиотеки Кирова. Первый из них — самая пространная из сохранившихся рукописей (№ 100) — сборник Г. С. Шутова.⁴ Он был обнаружен в конце XIX в. на чердаке «одного казенного дома» и подарен «одним отцом протоиереем» А. С. Верещагину, который использовал книгу в своем исследовании.⁵ Сборник Шутова состоит из 374 листов, размер 22×17,5 см, при реставрации был переплетен в картон. В библиотечном описании сборник датирован второй половиной XVIII в., и более точная датировка затруднительна. Сшитый из многочисленных малых тетрадей в начале XIX в., сборник представляет собой конвolut. Между собой тетради отличаются набором признаков: цветом и фактурой бумаги, водяными знаками, различными почерками и манерой письма (встречается и скоропись, и гражданское письмо). В особенности тетради различаются содержанием. На форзаце сборника запись: «Сия книга города Слободского протоиерея Гавриила Софрониева сына Шутова подписана им 1804 года месяца мая, 19 дня».⁶ Вероятно, именно тогда и был переплетен сборник. На основании записи условно можно называть рукопись № 100 сборником Шутова.

Гавриил Софрониевич Шутов (1743–1807)⁷ на семнадцатом году поступил в класс «пиитики» Вятской духовной семинарии к Григо-

³ Поздеев В. А. 1) Становление вятской школы поэзии в 60–70-х гг. XVIII в. (жанр оды в вятских рукописных сборниках) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 3 (1). С. 109–115; 2) Сборник вятских семинаристов начала XIX в. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 3 (2). С. 95–99.

⁴ Рукопись описана В. А. Поздеевым (Поздеев В. А. Сборник вятских семинаристов начала XIX в. С. 95–99).

⁵ Верещагин А. С. Вятские стихотворцы XVIII века. Вып. 1. С. 32–51.

⁶ А. С. Верещагин и вслед за ним Н. П. Изергина предполагают, что сборник был переплетен сыном Шутова (Там же. С. 36–37).

⁷ О Шутове см.: Изергина Н. П. 1) Шутов Г. С. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3 (Р–Я). С. 431–432; 2) Писатели в Вятке. Киров, 1979.

рию Демьяновичу Хрещатицкому. В 1762 г. Шутов продолжил обучение стихотворству у Петра Ивановича Любарского, а в 1763/64 учебном году обучался у него риторике. Зарекомендовав себя способным версификатором, Шутов был оставлен в школе по ее окончании и занял пост преподавателя поэтики. В течение четырех лет он преподавал стихотворство в семинарии (с 1764 по 1768), затем был переведен иереем в город Слободской Вятской губернии.

Сборник Шутова очень разнороден по содержанию. Большую часть конволюта занимают сочинения на русском и латинском языках, прямо или косвенно восходящие к семинарским наукам, но есть и другие тексты. Так, в книгу включены заметки, иллюстрирующие частную жизнь Шутова и/или его окружения, то есть «деревенский врачбник», кулинарные рецепты и другие случайные записи. Помимо интересующих нас школьных стихотворных текстов, составляющих около трети рукописи, в сборнике присутствуют стихотворения известных поэтов (А. И. Дубровского и Г. Р. Державина), тексты, отражающие обучение в классе риторики (орации), словарики значений мужских и женских имен и крылатых латинских выражений, пространное «Введение в историю» на русском языке и т. д. Шутов включил в сборник также отрывок из учебника «пийтики», написанный рукой своего предшественника Матвея Александровича Ушакова и, вероятно, его же авторства.⁸ Заметки выполнены на латинском языке с примерами русских стихов. По мнению А. С. Верещагина, именно они стали проводником силлаботоники в Вятской семинарии.⁹

С. 13–16; 3) Слободской протоиерей — Гавриил Софрониевич Шутов // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера (к 450-летию Преподобного Трифона, Вятского чудотворца). Киров, 1996. Т. 2. С. 58–63; Энциклопедия земли Вятской: Откуда мы родом? В 10 т. Киров, 1995. Т. 2: Литература. С. 34–36.

⁸ Об Ушакове см.: *Изергина Н. П.* 1) Ушаков М. А. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3 (Р–Я). С. 300; 2) Писатели в Вятке. С. 12–13; 3) Поэт Матвей Александрович Ушаков // История и культура Волго-Вятского края (к 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). Киров, 1994. С. 321–322; *Колчанова С. В.* Новые материалы о поэте М. А. Ушакове // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера (к 450-летию Преподобного Трифона, Вятского чудотворца). Т. 2. С. 63–64; Энциклопедия земли Вятской. Т. 2: Литература. С. 33–34.

⁹ *Верещагин А. С.* Вятские стихотворцы XVIII века. Вып. 1. С. 32–33.

Школьные стихотворения начинаются в конволюте с 87 листа. Новая тетрадь подписана: «Сии сочинения бывшего поэзии учителя Гавриила Софрониевича Шутова». По-видимому, в рукописи № 100 находятся несколько рабочих тетрадей Шутова, относящихся к разным периодам его жизни — и ко времени его обучения, и к эпохе преподавания «пиитики». Датировать их точно затруднительно. Можно установить лишь хронологические границы времени создания текстов из тетрадей Шутова — не ранее 1761 (года поступления Шутова в класс «пиитики») и не позднее 1768 (года окончания преподавания в семинарии). Помимо собственных сочинений, Шутов записывает тексты своих учеников, обозначая их авторство.

В Библиотеке Академии наук хранится рукопись, которая, по всей вероятности, изначально входила в состав сборника Шутова.¹⁰ Такой вывод можно сделать на основании публикации «Вятские стихотворцы XVIII века». В работе исследователь рассматривает наиболее яркие сочинения сборника Шутова, некоторые из них цитирует. При сличении описания А. С. Верещагина и самой рукописи выявляется ряд несовпадений. Прежде всего, далеко не все тексты, по А. С. Верещагину составляющие сборник, в нем отыскиваются. Однако все отсутствующие в кировском конволюте сочинения обнаруживаются в петербургской рукописи. В описании рукописного отдела БАН¹¹ она названа «Сборник упражнений в пиитике преподавателей и учеников Вятской духовной семинарии» и датируется 1760-ми гг. Состоит рукопись из 40 листов в 4°. Переплет — картон в ледерине — изготовлен при реставрации рукописи. Согласно описанию рукописи, сборник поступил в библиотеку в 1970 г. Там же указано, что рукопись, по-видимому, принадлежала Шутову. Как и «пиитические» тетради в кировском конволюте, данный сборник состоит из сочинений самого Шутова и его учеников, также в нем записаны некоторые стихотворения Матвея Ушакова. Кроме того, у тетрадей одинаковый жанровый диапазон. Замечательно, что и почерки в сборниках совпадают. По всей видимости, изначально и кировская, и петербургская рукописи принадлежали Шу-

¹⁰ БАН. Шифр: Вятск. 150.

¹¹ Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения XVII — первая треть XIX в. / Сост. И. Ф. Мартынов. Ред. А. М. Панченко. Л., 1980. С. 140–144. (Описание рукописного отдела БАН. Т. 4. Вып. 2).

тову и составляли одну общую рукописную книгу. На склоне лет вятчанин собрал свои довольно разнородные записи и переплел их в один конвюлют. Спустя почти столетие сборник попал к А. С. Верещагину и был использован им в исследовании. Уже из его архива часть конволюта была передана в Вятскую библиотеку, а часть — приобретена БАН. Работу А. С. Верещагина с обеими частями сборника подтверждает и наличие его правки и в той, и в другой части сборника. Сделанные одинаковым почерком, карандашные исправления внесены в текст опубликованных им материалов сборника. На принадлежность карандашной правки А. С. Верещагину указывал и И. Ф. Мартынов, справедливо заметивший, что она не столько «улучшила», сколько искалечила тексты стихотворений.¹²

Помимо карандашной правки А. С. Верещагина, в сборники присутствуют исправления, сделанные чернилами. Судя по их почерку, они принадлежат учителям семинарии. Как и в современной школе, в семинарии XVIII в. рабочие тетради учеников проверялись преподавателем. Семинарский учитель вносил правку в письменные упражнения своих подопечных, делал комментарии и составлял оценки. Диалог между начинающим и профессионалом сохранился на страницах школьных тетрадей. По исправлениям и примечаниям старшего стихотворца можно судить о стихотворной и языковой норме того времени, быстро менявшейся в соответствии с развитием языка и поэзии. Учительские комментарии и правка в тетрадях Шутова, как установил А. С. Верещагин, принадлежат Григорию Хрещатицкому и Петру Любарскому.¹³ Знаменательно, что поправки обнаруживаются и в сочинениях Шутова-учителя. Возможно, преподавательские записи подлежали проверке префекта семинарии, которым на тот момент был Петр Любарский. Сочинения Шутова — и ученические, и учительские — были не более чем выполнением обязанностей семинарского стихотворца. Являясь именно упражнениями, школьные поэтические тексты создавались по известным образцам и на известные темы.

В классе поэтики обучали писать в разных стихотворных жанрах, большое место в обучении отводилось переводу. В сборнике Шутова присутствуют переводы из «Метаморфоз» Овидия — опи-

¹² Там же. С. 140.

¹³ *Верещагин А. С.* Вятские стихотворцы XVIII века. Вып. 1. С. 37.

сание источника, о смерти Актеона, о Дафне и Аполлоне, од Горация. Помимо древних авторов, семинаристам предлагалось переводить из новолатинских поэтов. Так, Шутов перевел латинское стихотворение Марка-Антуана Мюре (1526–1585) «Вопль скорбящего сердца», которое Петр Любарский прокомментировал словами: «Уповай, призрит: близ бо Господь всем, призывающим его; всем призывающим во истине» и поставил свою подпись.

Студенты-семинаристы выполняли и описания в стихах. Существовало две разновидности описаний — описания мира и описания человека. Вот некоторые из подобных упражнений в сборнике Шутова: описания первого типа — «Описание занятий крестьянина», «Описание весны», «Описание прекрасного места»; описания второго типа — «Портрет разумного и честного человека», сделанное Василием Кашиным, видимо, учеником Шутова, «Неприхотливый человек», сделанное Степаном Пономаревым, «Картежник» — самим Шутовым.

В тетрадах Шутова около половины сочинений составляют басни, написанные на известные для русских баснописцев XVIII в. сюжеты. Помимо басен Шутова в сборник включены и басни его учеников Никиты Короваева («Лисица без хвоста»), Прокопия Заворохина («О Коте и Пиле»).

Школьная басня ставит перед нами ряд существенных вопросов. Во-первых, неизвестно, как формулировались задания по сочинению басен: предлагались ли учащимся сюжеты или они переводили басни в стихотворной форме с латыни. В последнем случае встает вопрос об источниках школьной басни. По-видимому, в семинарии использовали сборники басен на русском языке, не все из которых нам известны, но также и латинские сборники басен. Регулярно упражняясь в стихотворных переводах античных и новолатинских поэтов, ученики, по-видимому, переводили и басни.

Показательно, что «Несколько Эзоповых басенок...» В. К. Тредиаковского, став примером для школьной басни в отношении формы, не послужили для них источником сюжетов. Из семнадцати басен сборника Шутова лишь девять совпадает по своему сюжету с «басенками» Тредиаковского: «Курица, несущая золотые яйца», «Смерть и Старик», «Ворон и Лисица», «Лев престарелый», «Прохожий и Змея», «Волк и Журавль», «Волк и Ягненок», «Муха и Муравей», «Брюхо и Члены»; тринадцать — с сюжетами «Езоповых басен»

в переводе С. С. Волчкова 1747 г.¹⁴ Басни Вятской семинарии имеют расхождения с известными в XVIII в. басенными сюжетами («Козел и Волк»), при этом используют редкие сюжеты, такие как «Кот в пиве». Басня «Козел и Волк» из сборника Шутова имеет лишь частичное сюжетное сходство с басней «Волк и Козленок» Тредиаковского,¹⁵ которая восходит к Феду. В школьной басне присутствуют особенности, противоречащие классическому сюжету.

Тредиаковский

Козел и Волк

На пажить выходя Коза поутру с светом,
Козленку своему приказ дала советом,
Чтоб до-вечера в хлев дверей не отпирал
И никого б отнюдь к себе он не пускал.
Едва она ушла, как Волк там появился,
И голосом он столь, сколь можно,

притворился,

Подобясь Козину, а растворивши зев,
Просился у того Козленка очень в хлев.
Тот Волку отвечал: «Хоть просьба б лоб
разбила,

Мне безбородых всех пускать мать
запретила».¹⁶

Шутов

Волк и Козленок

Пошедши на поля Козел травой питаться,
А сыну своему в хлеве велел остаться,
Дабы он жизнь свою и здоровье наблюдал,
Крепче запереть ему дверь приказал.
«Хотя ж кто, — говорил он, — будет и
стучать,

Тебе, запершись тут, недолжно отвечать».
Лишь только отошел Козел сей от хлева,
Козлячим гласом Волк произносил слова,
Любезным сыном стал Козленка называть
И двери, как отец, велел он отворяти.

Молоденкой Козел не знал, что Волк
крычит,

С весельем хлева отверсти дверь бежит.
Но Волк, ворвавшись в хлев, хватил

Козла за шею,

Вдруг горло прокусил и разлучил

с душею.

Читая баснь сию, ума младого дети,

Учитесь отцам послушность вы имети.¹⁷

¹⁴ Эзоповы басни с нравоучением и примечаниями Рожера Летранжа, вновь изданные, а на российской язык переведены в С.-Петербурге, канцелярии Академии наук секретарем Сергеем Волчковым. СПб., 1747.

¹⁵ *Тредиаковский В. К.* Несколько Эзоповых басенок, для опытка гексаметрами ямбическими и хореическими составленных // Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою / Изд. подгот. Н. Ю. Алексеева. СПб., 2009. С. 121. (Лит. Памятники).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Региональный центр книжных памятников Кировской государственной научной областной библиотеки им. А. И. Герцена. № 100. Л. 120 об. Далее указание номера рукописи и страниц дается в скобках после цитат.

При общем сходстве мотивов, очевидны и расхождения. Так, вместо матери в школьном тексте действует Козел-отец, но наиболее ярко различаются концы двух басен. Козленок из семинарской басни проявляет себя менее осторожным, чем Козленок Тредиаковского, и, отперев Волку дверь, оказывается съеденным. Замечательно, что ни одна, ни другая особенность школьной басни не проявилась в издании прозаических басен Эзопа 1747 г., в котором басня на аналогичный сюжет называется «Волк, Козленок и старая Коза», а в ее финале Козленок остается жив.¹⁸ Популярные переводные своды басен XVII в. также не отражают вышеуказанные варианты сюжета.¹⁹

Не обходили стороной на уроках поэтики и такой значимый для русской поэзии XVIII в. жанр, как ода, которая, по-видимому, считалась венцом поэтического мастерства для школьных стихотворцев: сочиняли оды преимущественно выпускники курса, освоившие все прочие жанры, и преподаватели. В семинариях регулярно писали торжественные государственные оды на примере образцов од Ломоносова. Наиболее замечательной разновидностью школьной пиндарической оды следует считать оду «на случай», обращенную к духовному лицу. В подобном варианте панегирической поэзии светская традиция, адаптированная к семинарским условиям, оказывалась трансформированной: государственная идея заменялась идеей церковной власти, а главные темы оды, государь и государство, — архиепископом и его епархией. Господство в школе такого типа оды объяснялось ее дополнительной внелитературной функцией. Еще в Киево-Могилянской академии XVII в. панегирики «на случай», которые зачитывались или пелись семинаристами, входили в программу школьного или церковного праздника. В XVIII столетии этот обычай был завезен в Северо-Восточную Русь.

В качестве подготовительного этапа перед допуском к сочинению од школьники должны были оттачивать свое мастерство, сочи-

¹⁸ Эзоповы басни с нравоучением и примечаниями Рожера Летранжа... С. 143–144.

¹⁹ Речь идет о рукописных переводах басен XVII в. — Ф. К. Гозвинского, А. А. Виниуса, П. Кашинского и др. См.: *Тарковский Р. Б., Тарковская Л. Р.* Эзоп на Руси. Век XVII. СПб., 2005.

няя небольшие панегирики, имеющие общую с одой символику и топику. Такие сочинения, называемые гратуляциями (от лат. *gratulatio* — «поздравление»)²⁰ и представляющие собой стихотворные поздравления высшим духовным лицам, занимали значительное место в программе класса поэтики. Благодаря своему небольшому объему (от 2 до 10 строк, редко — до 20), гратуляции считались, вероятно, довольно простыми упражнениями и систематически сочинялись учащимися на занятиях стихотворством. На основании небольшого размера таких стихотворений их можно, по-видимому, считать панегирической разновидностью силвий, о распространенности которых в русской барочной поэзии говорит А. М. Панченко.²¹ Предметом гратуляций могло стать любое событие, требовавшее поздравления или благодарности. Школьные панегирические стихотворения по обыкновению писались ко «дню патрона» (именин) высших духовных лиц епархии, на Пасху и Рождество Христово, а также по случаю приезда иногородних иерархов. Как и панегирики большего объема, гратуляции выполняли практическую функцию: в день праздника заученные приветствия произносились учителем или самими учениками. В тетрадах Шутова находится много таких стихотворных приветствий, посвященных преимущественно архиепископу Варфоломею (Любарскому) (1758–1774) и ректору семинарии Андрею (Таршевскому) (1764–1771). В части сборника Шутова, хранящейся в Кировской библиотеке им. А. И. Герцена, некоторые гратуляции помечены фамилиями учеников. Вероятно, они были исполнены названными школьниками в день торжества. Так, одной из гратуляций поздравил с Пасхой архимандрита Андрея Ермил Костров. Она построена на раскрытии аллегории пеликана, который считается символом жертвы Христа на кресте:

Премного и давно дивятся смертных роды,
Что птица пеликан есть жалостлив с природы.
Увидев мертвых чад, грудь собственну терзает,
Источник крови льет и сим их оживляет.
Но большую стократ мы ревность зрим Христову,
Когда для нас излил всю кровь и жизнь дал нову.

²⁰ Термин «гратуляция» использует А. С. Верещагин (*Верещагин А. С.* Вятские стихотворцы XVIII века. Вып. 1. С. 16).

²¹ *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVIII века. Л., 1973. С. 234.

В сердцах то наших жар усерднейший рождает
И с сим приветом вам предстать нас возбуждает.
Живи должайши век, счастливы дни считая,
Пока вселишься там с Христом, где жизнь золотая.

(100. Л. 135 об.)

Учитывая, что гратуляция была написана, по-видимому, в конце 1760-х гг., поднесшему панегирик будущему поэту на тот момент было чуть больше десяти лет. Следовательно, можно говорить, что традиция приветствий отроками существовала и в Вятской семинарии.²² Однако, если в столицах «парнасские дети» встречали песнями царских особ, то в провинциальном Хлынове традиция функционировала в трансформированном виде, и ученики начальных классов семинарии приветствовали панегириками местных иерархов.

По своей структуре гратуляция близка к панегирическому канту. Условно ее можно разделить на три части: сюжетная часть, которая может быть описательной или сравнительной, обращение поэта («привет») и собственно пожелание («моление»).

Описательная сюжетная часть раскрывает тему благополучия. В ней часто упоминаются герои и эпизоды античной мифологии, Парнас, Аполлон, музы, Сатурновы века:

Оставив музы Парнасские горы,
В средину спешат, где веселы хоры,
Где в арфу Орфей, в гусли Терпсихора
Бряцают, гремя, и нет в них раздора,
При них Амфион глас свой управляет,
Тут сладость сих муз камни оживляет.

(100. Л. 136 об.)

Приведенный отрывок — силлабический одиннадцатисложник, писавшийся с установкой на ямбическую тонизацию.

Тема благополучия может раскрываться и с помощью христианской символики, что особенно характерно для стихов на Пасху или Рождество Христово:

²² Подробнее о традиции торжественных приветствий монарших лиц отроками в XVIII в. см.: *Алексеева Н. Ю.* Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005. С. 58–60.

Среди вертепа расцветает
Несельный красно ныне крин,
Но сам ражденный возрастает
И Божий, и Мариин Сын.
В печали всех утешил верных
И небеси отверз чертог
Для зренья красот безмерных,
В котором царствует сам Бог.

(100. Л. 123–123 об.)

Одна из особенностей семинарской панегирической поэзии, — сочетание мифологических и христианских мотивов, — наиболее ярко воплотилась именно в гратуляциях, из-за небольшого объема которых парадоксальность подобного сосуществования особенно выразительна:

Сатурнов век теперь опять нам возвратился,
Мессия бо уже для нас на свет родился.

(100. Л. 139 об.)

В основе сравнительной сюжетной части гратуляций лежит абстрактная картинка-аллегория, например с использованием образов греко-римской мифологии:

Помону в Риме признавали
Владычицею всех садов,
В знак чести храмы созидали,
Давали жертвы от цветов.
Тебя мы также поздравляем...

(100. Л. 123)

Вторая часть похвального стихотворения представляет собой уже личное обращение стихотворца, в котором он предуведомляет адресата о том, что, исполнившись веселья, радости и «сердечного жара», желает принести «в дар привет», то есть поздравить его:

Подобным жаром мы пылая,
Принесть дерзаем сей привет.

(100. Л. 89)

Заключительная часть гратуляции — это «моление», пожелание, которым по традиции завершается панегирик:

Недремлющее Божье око
Пусть здоровье всегда хранит
И счастье твое высоко,
Как кедр в Ливане, возрастит.

(100. Л. 123)

Часто стихотворец молит Бога не только о долгой земной жизни лица, к которому обращена GRATULACIA, но и о его будущей жизни:

Живи должайши век, счастливы дни считая,
Пока вселишься там с Христом, где жизнь златая.

(100. Л. 138)

Таким образом, школьная gratulacia строится в целом по той же, только упрощенной, схеме, что и панегирический кант или ода, в составе которых также обязательно раскрывается тема благополучия, также присутствует «привет», также финальным аккордом звучит «моление».

* * *

В Региональном центре книжных памятников библиотеки им. А. И. Герцена под № 248 сохранилась еще одна рукопись, когда-то принадлежавшая Шутову, — учебник поэтики на латинском языке. На форзаце рукописи сделана запись: «Книга сия писана города Слободского Преображенского собора протоиереем Гавриилом Шутовым в бытность его Вятской семинарии в школе поэзии 1761 года учеником, в которой после был учителем в оной школе чрез три года». В нижней части титульного листа — экслибрис Шутова. Н. П. Изергина, исследовавшая рукопись, не проясняет вопроса об авторстве учебника.²³ Однако едва ли еще только ученик класса поэтики мог составить собственный учебник, но он мог записать курс поэтики за своим учителем или сделать копию с другого учебника для личного пользования. Так, В. А. Поздеев считает, что автором учебника был Матвей Ушаков.²⁴ Но учитывая, что Шутов

²³ Изергина Н. П. Слободской протоиерей — Гавриил Софрониевич Шутов. С. 59–60.

²⁴ Поздеев В. А. Становление вятской школы поэзии в 60–70-х гг. XVIII в. (жанр оды в вятских рукописных сборниках). С. 111.

в 1761 г. учился в классе «пиитики» у Григория Хрещатицкого, его авторство учебника более вероятно. Это доказывает и запись на другой стороне форзаца: «Сия пиитика издана господином префектом Григорием Хрещатицким 1761 году, которою писал владетель ея Гавриил Шутов своею рукою», которую не учел В. А. Поздеев. Авторство Хрещатицкого подтверждает А. С. Верещагин.²⁵

Рукопись № 248 состоит из 182 листов в 4°. На бумаге водяные знаки — герб Ярославля (медведь с секирой) и литеры ЯМЗ, которые согласно С. А. Клепикову характеризуют бумагу 1756 г. выпуска.²⁶ На форзаце надпись, что учебник «издан» 15 октября 1761 г. Рукопись переплетена кожей с тиснением. «Пиитика» написана убоистой аккуратной скорописью, текст на каждой странице располагается в двойной рамке. На титульном листе помещено название учебника, обрамленное виньеткой. Растительный орнамент выполнен красками разных цветов. На оборотной стороне титула находится запись: «Рисовал сию порту архиерея Варфоломея племянник Семен Ильич Любарский, обучавшийся в Вятской семинарии». Заключительная страница поэтики (со словом «Finis») также оформлена покрытой золотом миниатюрой с растительным орнаментом.

В учебнике были оставлены пустыми несколько страниц, и Шутов решил использовать их для записи. Так, на л. 144–145 он переписал три поэтических текста Матвея Ушакова, — «Вирши, говоренные над телом мертвым протоиерея Алексия Свирепова в Свято-Троицком Николаевском соборе 1764 года апреля месяца» с заключительным комментарием «Сии стихи сочинены соборным попом Матфеем Ушаковым». Алексей Свирепов также был воспитанником Вятской семинарии. До принятия сана он преподавал в школе поэтику (1749–1751),²⁷ был префектом семинарии (1750–1751).²⁸

Пример записанных Шутовым стихотворений показывает, что и после принятия священного сана воспитанник семинарии находил

²⁵ *Верещагин А. С.* Слободской протоиерей — стихотворец Г. С. Шутов // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1907. Вып. 1. Отд. 3. С. 63, 67.

²⁶ *Клепиков С. А.* Филигрani на бумаге русского производства XVIII — нач. XX вв. М., 1978. С. 236.

²⁷ *Верещагин А. С.* Вятские стихотворцы XVIII века. Вып. 1. С. 29, 31.

²⁸ *Верещагин А. С.* Краткий очерк истории Вятской духовной семинарии // Столетие Вятской губернии. Вятка, 1880. Т. 2. С. 610–611.

применение полученной в духовной школе науке и не только составлял проповеди, но и писал стихи. Как и Ушаков, сочинивший эпитафию Свирепову, уже находясь на духовной службе, Шутов продолжал писать стихи, став протоиереем.

Уезжая из Хлынова, Шутов забрал свой учебник с собой и уже в Слободском заполнял его чистые страницы. На л. 145 гражданским письмом написаны два стихотворения под титулом «Стихи надгробные слободскому купцу Ивану Яковлевичу Плитунову» с датой «31 января 1782 года». В рукопись вложена речь на погребение Ивана Плитунова. На л. 182 расположены «Стихи на Рождество Христово», а на л. 180 находятся «Надгробные стихи» некой Пелагее и эпитафия на смерть жены Шутова Татьяны Трофимовны. Заслуживает внимания тот факт, что Шутов не только не расстался с учебником после принятия сана, взяв его в Слободской, но и обращался к нему спустя многие годы. Книга — безусловная ценность для человека XVIII в. — стала попутчиком Шутова на всю жизнь.

* * *

В Кировской библиотеке помимо сборника Шутова хранится еще один сборник — тетрадь семинариста. В рукописном архиве он проходит под № 67 и называется «Ученической тетрадью Агафона Свешникова, впоследствии протоиерея Спасского собора». Авторство устанавливается по записи на форзаце: «Сия книга Спасского собора протоиерея Агофония собственная, ее писал и сочинял своею ручною». Формат тетради 4°, она насчитывает 152 листа, переплет картонный. В библиотечном описании книга датирована серединой XVIII в., но возможна и более точная датировка. Бумага датируется временем не ранее 1756 г. (филигрань: герб Ярославля, литеры ЯМАЗ и ЯМСЯ).²⁹ Тетрадь Свешникова до сих пор не была научно описана. В. А. Поздеев только упоминает о ее существовании.³⁰ Про Агафона Свешникова ничего не известно за исключением того, что он был протоиереем Вятского собора, учителем Вятской семинарии и скончался в 1824 г. Ни А. С. Верещагин, ни Н. П. Изер-

²⁹ Клепиков С. А. Филигрani на бумаге русского производства XVIII — нач. XX в. С. 236.

³⁰ Поздеев В. А. Сборник вятских семинаристов начала XIX в. С. 96.

гина не указывают семинариста как представителя вятских стихотворцев. Однако по одному случайному комментарию — исторической справке Верецагина — удалось узнать, что в 1772 г. некий двадцатилетний Агафон Свешников был назначен учителем класса аналогии.³¹ Следовательно, ученическую тетрадь Свешникова следует относить к концу 1760-х — началу 1770-х гг., когда он обучался в высших классах семинарии.

Рукопись знакомит нас и с ее автором. Свешников был прилежным и способным семинаристом. Упражнения написаны ровным, четким почерком и практически не содержат помарок и исправлений. Каждое новое стихотворение ученик начинает с новой страницы, на поле которой ставит свою подпись на латинском языке: «Agaphonus Sviesznirow». Комментарии учителя позволяют судить о его даровании: «Достойно бессмертных похвал», «Стихи твои достойны примечания», «Читая, хвалил», «Хорошо», «Преизрядно», «Прекрасно», «Похвально», «Optime», «Vene» и другие. Учитель практически не правит тексты Свешникова, настолько они хороши для начинающего стихотворца.

Тетрадь состоит из различных переводов с латинского на русский, прозаических и стихотворных упражнений на русском и латыни, а также включает выписки из трудов Ломоносова о русском языке. Свешников пишет стихи в тех же жанрах, что и Шутов в бытность его в семинарии, — басни, гратуляции, описания природы и характеров, он также переводит из латинских поэтов. Иногда совпадают источники переводов и сюжеты стихотворений. Так, Свешников, как и Шутов, сочиняет басни «Прохожий и Змея», «Козел и Волк», «Брюхо и Члены», переводит пространственный отрывок из «Метаморфоз» Овидия о Дафне и Аполлоне. Размер басен, написанных Шутовым и Свешниковым на один сюжет, нередко совпадает. Басня «Сын, отец и нарисованный лев» обоими учениками написана сапфической строфой — размером, басне далеко не свойственным. Сапфическая строфа, перейдя в русскую поэзию из Польши, быстро обрела популярность в семинарских духовных одах и кантах.³² Однако после реформы русского стихосложения

³¹ Верецагин А. С. Вятские стихотворцы XVIII века. Вып. 1. С. 62.

³² Алексеева Н. Ю. Русская ода. С. 38–39, 205–213.

она была скомпрометирована своим силлабическим звучанием. Попытки В. К. Тредиаковского и А. П. Сумарокова в 1750-х гг. создать сапфическую силлабо-тоническую строфу окончились неудачей, поскольку реорганизованная строфа, в сущности, так и не утратила силлабического звучания. Неспособная освободиться от влияния устаревшей традиции, сапфическая форма на долгое время была забыта.³³ Однако школьная поэзия гораздо медленнее освобождалась от барочных тенденций, чем поэзия профессиональная. Уже покинув большую поэзию, сапфическая строфа в 1760-е гг. оставалась, как и прежде, актуальной в семинаристском творчестве. Басни ШUTOва и Свешникова написаны в соответствии с теорией строфы, предложенной Тредиаковским в «Способе к сложению российских стихов».³⁴ Обновленная сапфическая строфа, по мнению ученого, должна была отражать сочетание женских и мужских рифм, позволяющее избегать силлабического ритма.³⁵ Таким образом, в отличие от поэтов-профессионалов, не воспринявших реформированную Тредиаковским сапфическую строфу, студенты-стихотворцы, напротив, ее усваивали.

ШUTOв

Избежать судьбы невозможно злой,
Долг возьмет она непременно свой,
От лица ея во чертог не скрыться,
Ежель озлится.

Повесть нас о сем уверяет всех,
Я ее скажу — не поставьте в смех:
Знатной муж имел у себя едина
Доброго сына,

Кой охоч играть со зверями был,
Больше их богатств дорогих любил,
Всех от рук своих приучал питаться
И насыщаться.

Свешников

Есть объявлено превосходный был,
Мужа знатна сын всегда ловил
И в животных льва жесточайша зверя,
Та его вера.

Отроку сему такова боязнь,
Что от льва себе обретет он казнь,
Некие волхвы совершенно знали
И угадали.

Слышав той, отец из палат не стал
Вон с своих его отпущать, что мал,
Сверх того, велел написать при стени
Всех зверей тени.

³³ Алексеева Н. Ю. Русская ода. С. 205–213.

³⁴ Тредиаковский В. К. Способ к сложению российских стихов, против выданного в 1735 году исправленный и дополненный // Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. С. 90–91.

³⁵ Алексеева Н. Ю. Русская ода. С. 208.

Видя то, отец в размышленье пал:
«Что значит сие?». У волхва спросил,
Предсказатель тот отвечал нелестивно,
Хоть и противно:

«Будет отрок сей умерщвлен от льва».
Ах, в печаль отца привели слова!
Он, вскричав: «О рок наступил жестоки!»,
Слез пролил токи.

После нежелъ сей послыхал ответ,
Сына не пускал погулять на свет,
Но в дому своем повелел сидети,
Вон не глядети.

А сидя бы, сын веселиться мог,
Для сего един украсил чертог,
На стенах зверей написал премногих,
Кротких и строгих.

Только лишь он льва на стене узрел,
Кой свирепый вид паче всех имел,
Вдруг рукой зашиб по картине смаху,
Смело, без страху.

Остры гвоздь под ей заколочен был,
Коим руку так сильно уязвил,
Что того же часа живота лишился,
Мертв повалился.
(100. Л. 119 об.–120)

Отрок же, смотря, ходячи по всей
Льва в палате он изобрел своей,
Осердясь тогда, кулаком разил,
Руку пронзил.

Оттого он смерть получил себе,
Гвоздь под тенью льва пребывал в стене.
Предсказанье все явственно сбылося,
То извелось.

(67. Л. 129)

Фабула стихотворений восходит к басне Бабрия «Сын, отец и нарисованный лев».³⁶ В XVII в. на этот сюжет сочинил басню Лафонтен, назвав ее «Предсказание». Однако в русской басенной традиции история про нарисованного льва не нашла отражения. По-видимому, так как в русской литературе данный сюжет не воспринимался как басенный, семинаристы, вопреки рекомендациям Тредиаковского не писать басни строфами («На нашем языке могут сии басенки (эзоповские. — А. С.) сочиняться всяким родом стихов, но мнится, что им быть строфами не весьма прилично»³⁷), написали стихотворение на старинный басенный сюжет сапфической строфой.

³⁶ Федр, Бабрий. Басни. М., 1962. С. 63.

³⁷ Тредиаковский В. К. Способ к сложению российских стихов, против выданного в 1735 году исправленный и дополненный. С. 97.

Наряду с басенными существовали и панегирические «готовые» сюжеты, пригодные для гратуляций. По-видимому, и в этом случае за сюжетом мог закрепляться определенный размер. Так, и у Шутова, и у Свешникова есть гратуляция, построенная на обыгрывании образа «преубогого мужа» Синета, принесшего в дар персидскому царю воды в пригоршнях рук.

Шутов

Когда персидский Ксеркс в странах
чужих гулял,
Тогда чрез дары всяк усердие являл.
Един из тех числа Синет, муж преубоги,
Пригоршнями воды поднеся, пал пред
ноги.
Царь, ведая сие усердие его,
Подарок тот почел приятнее всего.
Я буду бедняку теперь в том подражать,
Прошу в дар речь сию усердную принять.
Всесильный пусть твое желанье
совершит
И здравием в пути и счастьем споспешит.

(100. Л. 137 об.–138)

Свешников

Когда персидский Ксеркс по области
гулял,
Царь посмотреть своих тут подданных
желал.
Тогда все с человек ему носили дары,
Сокровищ всяческих наполнили амбары,
Един Сенет не был во граде, но в трудах,
Принес царю воды в сожатых в дар руках.
Его подарок царь за лучшей прочих
принял.
Зане от сердца той принесенной увидел,
Так я, лишен всего, в дар слово приношу,
От сердца моего сие произношу:
Пусть счастье твое Бог в век сей
сохраняет
И здравие твое всецело продолжает.

(67. Л. 100 об.)

Совпадение стихотворений на одни сюжеты в тетрадах учеников, учившихся в Вятской семинарии в разное время, позволяет предположить, что в ней существовала «обязательная» программа практических упражнений для класса «пиитики». Программа была достаточно строгой, поскольку распространялась на размеры стихотворений, а также консервативной, так как за десять лет, отделяющих тетради Шутова и тетрадь Свешникова, она практически не изменилась.

* * *

Помимо рабочих тетрадей и учебников, в библиотеке им. А. И. Герцена сохранился рукописный сборник, создававшийся, вероятно, исключительно с целью фиксации и сохранения лучших произведений деятелей семинарии. В отличие от поэтических тетрадей в этом сборнике нет исправлений, и все произведения переписаны

набело аккуратной скорописью. На внеучебный характер сборника указывает также его оформление: на обложке рукописи находится множество виньеток (солнце, Божья десница, ангел, солдатики) и посторонних записей, иллюстрации присутствуют и в самом сборнике (солдатык на с. 11). Этот рукописный сборник ранее не был описан. Ни А. С. Верещагин, ни Н. П. Изергина с ним знакомы не были. Впервые сборник упоминает В. П. Степанов в статье об Антоне Попове в «Словаре русских писателей XVIII века».³⁸ В. А. Поздеев в публикации о становлении вятской школы поэзии описывает только первое произведение сборника.³⁹

«Сборник од и стихотворений», или, как он обозначен в карточном каталоге библиотеки, «Рукопись № 105», с виду напоминает современную тетрадь, — он помещен в бумажную обложку, имеет формат 4° и состоит из 38 листов. В описании сборник датирован третьей четвертью XVIII в. Согласно справочнику С. А. Клепикова филигрань в виде герба Ярославля и литер ЯМАЗ характеризуют бумагу 1756 г. выпуска,⁴⁰ и, следовательно, сборник написан не ранее этого времени. В качестве гипотезы можно предложить более точную датировку сборника.

Рукопись открывается одой, посвященной епископу Варфоломею (Любарскому) и написанной в то время учеником семинарии Антоном Поповым. В заглавии поясняется, что это «ода, которую приносил Антон Попов...», указана и точная дата дня поднесения (то есть исполнения) — 11 июня 1766 г., именины Варфоломея. Таким образом, ода, создававшаяся в качестве литературного «дара», была сочинена к этому дню и может быть датирована первой половиной 1766 г. Ода Варфоломею, самое большое произведение сборника, занимает в нем центральное место, о чем также свидетельствует праздничное оформление заголовка текста. Проявившиеся еще во время учения поэтические способности Антона Ивановича Попова (1748–1788)⁴¹ получили дальнейшее развитие. Не остались

³⁸ Степанов В. П. Попов А. И. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2 (К–П). С. 466.

³⁹ Поздеев В. А. Становление вятской школы поэзии в 60–70-х гг. XVIII в. (жанр оды в вятских рукописных сборниках). С. 113–114.

⁴⁰ Клепиков С. А. Филигранные на бумаге русского производства XVIII — нач. XX в. С. 236.

⁴¹ О Попове см. также: Изергина Н. П. Писатели в Вятке. С. 16–18; Энциклопедия земли Вятской. Т. 2: Литература. С. 37–38.

незамеченными и его педагогические дарования. Спустя два года после написания оды молодой человек был назначен преподавателем поэтики. В 1772 г. на 24 году жизни Попов занял пост префекта школы, а в 1775 был утвержден на должность преподавателя философии (впрочем, уже в конце года он был пострижен в монахи и навсегда уехал из семинарии). В период преподавания Попов усердно занимался стихосложением. В 1770-е гг. на Вятке получили известность в списках его эпиграммы, написанные силлабо-тоническим стихом в духе сатиры сумароковской школы. Благодаря ходатайствам Петра Любарского в 1778 г. в Санкт-Петербурге был опубликован сборник из 107 эпиграмм и надгробных надписей-эпитафий под названием «Сатирические забавные и сатирические нравоучительные надписи и эпиграммы, сочиненные в городе Хлынове Вятской семинарии префектом Антоном Поповым».⁴² В 1786 г. было выполнено переиздание сборника.⁴³

Кроме подносной оды в рукописи находятся еще семь текстов. Вопреки возможным ожиданиям, не все из них принадлежат Попову или его товарищам. Помимо оды, Попов написал предпоследний текст сборника, сатиру, «в которой представляются нравы и поступки пьяницы», под которой читаем: «Сию оду сочинял студент школы реторики Антон Попов». «Вопль скорбящего сердца», третий по счету текст рукописи, является переводом латинского стихотворения М.-А. Мюре, который, вероятно, выполнил Шутов. Этот же текст находится в сборнике Шутова. Два стихотворения, четвертый и пятый по счету тексты, принадлежат прославленным поэтам. «Надпись к статуе Петра Великого» Ломоносова⁴⁴ списана без указания авторства; следующий текст Тредиаковского «Строфы похвальные поселянскому житию»⁴⁵ в рукописи имеет название «Описание поселянской жизни, (переведенное) из Горация Флакка

⁴² Попов А. И. Сатирические забавные и сатирические нравоучительные надписи и эпиграммы, сочиненные в городе Хлынове Вятской семинарии префектом Антоном Поповым. СПб., 1778.

⁴³ Попов А. И. Забавные сатирические и нравоучительные надписи или эпиграммы Антона Попова, изданные для пользы и увеселения общества в Санкт-Петербурге в типографии М. Овчинникова в 1786 году вторым тиснением. СПб., 1786.

⁴⁴ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 284–285.

⁴⁵ Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. С. 246–249.

Васильем Тредьяковским». Авторство трех оставшихся произведений, второго, шестого и восьмого текстов сборника, — плача на кончину Елизаветы Петровны, оды канцеляристу Вятской духовной консистории Алексею Михайловичу Рыбакову и оды митрополиту Московскому и Калужскому Тимофею (Щербацкому), — установить не удалось.

Особняком в рукописи стоит восьмое по счету произведение. Возникает предположение, что первоначально сборник завершался седьмым текстом. Прежде всего, первые семь из них написаны одним почерком последовательно друг за другом, а следующий, восьмой, написан другой рукой (или той же, что вероятнее, но в другое время), с отступом в полстраницы. По-видимому, тексты со второго по седьмой были написаны не позже оды Варфоломею, сборник был составлен в ближайшее время после именин епископа, то есть в 1766 г.

* * *

Исследование стихотворений вятских семинаристов дает возможность составить представление о стихотворной культуре, бытовавшей в Вятской духовной семинарии в середине XVIII в. (1760-е гг.). Можно отметить определенные черты этой культуры:

1. *Система стихосложения.* В 1760-е гг. в стихосложении господствует силлаботоника.

2. *Жанры.* Семинаристов учат писать стихотворения по образцу жанров «большой» поэзии, то есть уже по классицистическим образцам: оды (Ломоносов), басни (Тредиаковский), эпиграммы (Сумароков). При этом сохраняется связь с уже ушедшей из «большой» поэзии барочной поэтической традицией, что проявляется на примере школьного жанра гратуляций.

3. *Характер преподавания.* Школьное преподавание, несмотря на относительно быстрое усвоение новой системы стихосложения и новых образцов жанров, отмечено консерватизмом. В течение десяти лет (1760-е гг.) программа поэтических упражнений курса остается неизменной.